
pocket**book**

rocket**book**

ДЖОН ИРВИНГ

*Семейная жизнь
весом в 158 фунтов*

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
И78

John Irving
THE 158-POUND MARRIAGE

© John Irving, 1973, 1974

Перевод с английского *Е. Боярской*

Оформление серии *А. Саукова*

Ирвинг, Джон.

И78 Семейная жизнь весом в 158 фунтов / Джон Ирвинг ; [пер. с англ. Е. Боярской]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-699-81623-1

Сложные, запутанные отношения двух супружеских пар в центре внимания Ирвинга. Именно в отношениях с близкими человек проявляется в полной мере. Раны прошлого, страхи, неуверенность в себе — то, что «на людях» успешно скрывается за маской внешнего благополучия, в семейной жизни обнажается. Здесь нет необходимости — да и невозможно — все это скрывать.

Герои Ирвинга решаются на смелый сексуальный эксперимент. Но, разумеется, ими движет не только — и не столько — жажда острых эротических ощущений.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Боярская Е., перевод на русский язык, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81623-1

Посвящается JMF

Нас тогда было даже не двое,
а четверо, и у этой нашей четверки
жизненные соки в жилах бродили
так вольно: струились, кровоточили
и кипели, как уже никогда в будущем.

Джон Хоукс

Кровавые апельсины

Это было что-то невероятное, и,
я думаю, на взгляд Господа Бога,
было бы лучше, если бы они все по-
выкалывали друг другу глаза острым
ножом. Но они были, что называется,
«хорошие люди».

Форд Мэрдокс Форд

Хороший солдат

1

АНГЕЛ ПО ПРОЗВАНЬЮ «УЛЫБКА РЕЙМСА»

Моя жена Утчка (ее имя я когда-то сократил до Утч) способна научить терпению даже бомбу с часовым механизмом. Она и меня не без успеха учила выдержке. Сама Утч эту школу прошла, можно сказать, по принуждению. Она австриячка, родилась в местечке Айхбюхль, рядом с пролетарским городом Винер-Нойштадт, в часе езды от Вены, в достопамятном 1938 году, известном как год аншлюса. Ей было три года, когда ее отца убили как большевика и диверсанта. Был ли он в самом деле большевиком, трудно сказать, но диверсантом был точно. К концу войны Винер-Нойштадту предстояло разместить у себя самый большой аэродром в Европе и, естественно, завод по производству немецких «Мессершмиттов». Отца Утч убили в 1941 году — его схватили, когда он пытался взорвать самолеты на взлетной полосе аэродрома.

После того как отец был схвачен и убит, местные эсэсовцы нанесли визит маме Утч в Айхбюхль. Они сказали, что пришли искоренить «ростки пре-

дательства», явно нашедшие благодатную почву в этом доме. Они велели соседям глаз не спускать с матери Утч и выяснить, не связана ли она, как и ее покойный муж, с большевиками. Они изнасиловали мать Утч и унесли из дома деревянные часы с кукушкой, которые отец привез из Венгрии. Айхбюхль находится совсем близко от венгерской границы, и влияние Венгрии можно заметить повсюду.

Несколько месяцев спустя мать Утч изнасиловали местные жители, которые объяснили, будто так они поняли инструкцию эсэсовцев: глаз не спускать с этой женщины и убедиться в том, что она не большевик. Судить их не стали.

В 1943 году, когда Утч было пять лет, ее мать лишилась работы в монастырской библиотеке рядом с Кацельсдорфом. Якобы она распространяла среди молодежи литературу неподобающего содержания. На самом деле был у нее грех — она таскала книги, но не это поставили ей в вину; впрочем, и пропаж не обнаружили. Маленький каменный дом, в котором родилась Утч, стоял на берегу речки, протекавшей через Айхбюхль. К домику примыкал курятник, где хозяйничала мама Утч, и коровник, который девочка сама стала ежедневно чистить, едва ей исполнилось пять лет. Дом был полон краденых книг, в основном религиозных, хотя Утч больше запомнились книги по искусству. Огромные, плакатных размеров, каталоги памятников церковного искусства: скульптура, архитектура, витражи — начи-

ная со времен еще до Карла Великого и завершая поздним рококо.

Вечерами, когда смеркалось, Утч помогала маме доить коров и собирать яйца. Соседи платили за молоко и яйца колбасой, одеялами, капустой, дровами (реже — углем), вином и картошкой.

К счастью, Айхбюхль был довольно далеко от завода «Мессершмиттов» и аэродрома и почти избежал бомбежек. В конце войны союзники сбросили на территорию завода и аэродром больше бомб, чем на любую другую цель в Австрии. Утч лежала с мамой в их домишке с затемненными окнами и слушала: «бум!», «бум!», «бум!» — бомбы падали на Винер-Нойштадт. Иногда низко над местечком пролетал подбитый самолет, а однажды бомбы попали в цветущий яблоневый сад Хаслингеров. Земля под деревьями покрылась толстым слоем лепестков, как свадебными конфетти. Пчелы не успели опылить сад, так что весь урожай яблок погиб, не родившись. Фрау Хаслингер обнаружили в домике, где делали сидр, — она пыталась заколоть себя секатором; там ее и держали связанной несколько дней в огромном яблочном ларе, чтобы пришла в себя. Она утверждала, что во время своего заключения была изнасилована какими-то мужланами, но это сочли ее фантазией на почве нервного расстройства от потери урожая.

Но далеко не фантазией было вступление русских войск в Австрию в 1945 году. Утч, которой уже исполнилось семь, была прехорошенькой девоч-

кой. Ее мама слышала, что с женщинами русские обращались ужасно, а к детям были добры, но она не знала, отнесутся ли они к Утч как к женщине или как к ребенку. Пришли русские из Венгрии и с севера; они особенно свирепствовали в Винер-Нойштадте и его округе из-за пресловутого завода «Мессершмиттов» и обитавших там высокопоставленных офицеров люфтваффе.

Мама привела Утч в коровник. Там стояло восемь коров. Подойдя к самой большой из них, голова которой застряла в стойле, мать перерезала ей горло. Когда корова сдохла, мать освободила корове голову и перевернула тушу на бок, вскрыла брюхо, вытащила внутренности, вырезала прямую кишку, а потом положила Утч в полость, образовавшуюся между огромных коровьих ребер. Часть внутренностей — сколько влезло — она запихала обратно в утробу, а остальные разложила на солнышке, чтобы привлечь мух. Разрез прикрыла, соединив края брюшины и спрятав Утч от чужих глаз, и сказала, что дышать можно через задний проход. Потом оставленные на солнце внутренности, сплошь облепленные мухами, мать Утч принесла обратно в коровник и разложила над головой мертвой коровы. Окруженная роем мух, та теперь выглядела, будто сдохла давным-давно.

Потом мама поговорила с Утч через коровью задницу:

— Смотри не двигайся и не издавай ни звука, пока тебя отсюда не вытащат.

У девочки там была длинная узкая бутылка от вина, наполненная ромашковым чаем с медом, и соломинка. Так что можно было утолить жажду.

— Смотри не двигайся и не издавай ни звука, пока кто-нибудь тебя отсюда не вытащит, — повторила мать.

Два дня и две ночи лежала Утч в утробе мертвой коровы, пока русские опустошали Айхбюхль. Они зарезали всех оставшихся в стойле коров, а потом привели в коровник и убили нескольких мужчин, не говоря уж о том, что частенько приводили туда женщин, но к лежащей корове даже не подходили: думали, что она пала давно и мясо ее испорчено. Русские использовали коровник для самых разнообразных зверств, но ни разу Утч не шевельнулась в коровьей утробе и не издала ни звука. Даже когда у нее кончилось питье, а коровья туша подсохла и сдавила ей бока, даже когда скользкие внутренности прилипли к ней — и тогда Утч не издала ни звука и не пошевелилась. Она услышала голоса: говорили на чужом языке. Вот корову ткнули в бок. Голоса стали громче и возбужденнее. Корову куда-то потащили. Голоса стали стихать и совсем смолкли. А когда тушу подняли, раздался вопль: Утч, облепленная коровьими внутренностями, вывалилась прямо на руки человеку с черными усами и красной звездой на серо-зеленой фуражке. Это был русский. Он грохнулся на колени вместе с Утч на руках и, казалось, потерял сознание. Столпившиеся вокруг него русские снимали головные

уборы — видимо, молились. Кто-то принес воды и вымыл Утч. По счастью, это были те русские, которые любили детей, и им даже в голову не пришло отнестись к Утч как к женщине. Поначалу, надо сказать, они думали, что Утч — теленок.

Постепенно становилось ясно, что произошло. Маму Утч изнасиловали. (Почти все матери и дочери были изнасилованы. Почти все отцы и сыновья — убиты.) Однажды утром какой-то русский солдат решил сжечь коровник. Мама Утч просила не делать этого, но у нее уже не было сил спорить. Ей ничего не оставалось, как убить русского лопатой, а потом другому русскому ничего не оставалось, как застрелить ее.

Постепенно, сопоставив факты, русские обо всем догадались. Девочка, должно быть, дочь той женщины, которая так не хотела, чтобы сгорел коровник, а не хотела она потому, что... К такому умозаключению пришел тот самый русский, который подхватил выскользнувшую из коровы Утч. Это был офицер, грузин, с далеких черноморских берегов. Они там любят коверкать слова и придумывать разные смешные словечки. Так вот «утч» на каком-то их жаргоне означает «корова». Я везде расспрашивал об этом грузин, и они могли только предположить, что слово «утч» напоминает звук, издаваемый коровами во время отела. А «утчка»? Ну ясно — не что иное, как теленок. Именно так назвал грузинский офицер девочку, которая вывалилась из коровьего чрева. И само собой, женщину,

когда ей за тридцать, странно было бы называть Утчк, так что я звал ее Утч.

Ее настоящее имя было Анна Агати Тальхаммер, и грузинский офицер, выслушав историю семьи Утч из добропорядочного Айхбюхля, забрал свою Утчку в Вену — прямо созданный для оккупации город: там и музыка, и живопись, и театры, и дома для осиротевших в войну детей.

Вспоминая, сколько раз эту историю я рассказывал Северину Уинтеру, я буквально скрежещу зубами. Снова и снова я вдавливал ему, что, кроме всего прочего, Утч — человек очень преданный. Терпение — разновидность преданности, но он никогда не мог этого понять.

— Северин, — обычно говорил я, — как сила ее, так и ранимость имеют один и тот же корень. Она верит всему, во что вкладывает чувства. Она будет ждать и терпеть вечно — если любит тебя.

Именно Утч и нашла эти открытки. То ужасное лето мы по чьему-то дурацкому совету проводили в штате Мэн, где нас заливали бесконечные дожди, изводила мошकारа и где, вероятно, Утч и подхватила «антикварный» вирус. Лето это запомнилось мне горами безобразной рухляди — реликвий колониальных времен. К счастью, увлечение это вскоре прошло.

Именно в штате Мэн, в городке Бат, она нашла эти открытки в каком-то закопченном сарае с вывеской «Антикварные редкости», недалеко от судостроительной верфи; было слышно, как там клепа-

ли корабли. Владелец антикварной лавки пытался всучить ей извозчиный кнут. Утч показалось, что в его старых глазах мелькнуло что-то похожее на просьбу испытать кнут на нем. Но она — европейка; а впрочем, я не уверен, что многие американки это бы сделали. Если только в штате Мэн. Утч отвергла кнут и продолжила рыться в старых вещах, стараясь держаться поближе к двери и подальше от старика, следовавшего за ней по пятам. Едва взгляд ее упал на открытки в пыльной витрине, она немедленно узнала Европу. Утч попросила показать открытки: это была Франция времен Первой мировой войны. Она поинтересовалась, откуда они здесь.

Он был американским солдатом Первой мировой и встретил победу во Франции. Единственным, что осталось у него с тех времен, были эти открытки — старые черно-белые снимки, некоторые с коричневатым оттенком, очень плохого качества. Старик сказал, что черно-белые фотографии точнее отражают реальность.

— Мне запомнилась Франция черно-белой, — сказал он Утч. — Не помню, чтобы тогда были иные краски.

Она знала, что фотографии мне понравятся, и купила их — более четырехсот открыток за один доллар.

Я рассматривал их неделями и рассматриваю до сих пор. Там есть дамы в длинных черных платьях, мужчины с черными зонтиками, крестьянские дети в традиционных бретонских костюмах, лошадиные

упряжки, старинные авто, военные французские грузовики с брезентовым верхом, солдаты, гуляющие в парке. Есть виды Реймса, Парижа и Вердена — до и после бомбежек.

Утч права: в будущем они мне могут пригодиться. Тем летом в штате Мэн я все еще работал над моим третьим историческим романом, действие которого происходило в Тироле во времена Андреаса Хофера, крестьянского героя, заставившего отступить Наполеона. Франция времен Первой мировой была тут ни при чем, но я знал, что настанет и ее черед. Возможно, через несколько лет, когда люди на фотографиях — и даже детки в бретонских костюмах — достигнут возраста, когда их заведомо можно будет считать покойниками, я вытащу эти открытки на свет. Я нахожу, что неприлично писать исторические романы о людях еще не умерших; это мой принцип. История требует временной дистанции; я стараюсь не писать о живых.

Для истории необходим фотоаппарат с двумя объективами: один — длиннофокусный, другой для съемки крупных планов, с большой глубиной резкости. О широкоугольниках забудьте — достаточно широкого обзора быть не может.

Но тогда, в Мэне, я не помышлял о Франции. Я расчесывал укусы злобных насекомых и был поглощен историей крестьянской армии Андреаса Хофера, тирольского героя, который заставил отступить Наполеона. Я огорчился, видя, как отчаянно тревожится Утч за детей, когда они купаются у ска-